

Научная статья
УДК 342.7
DOI: 10.25683/VOLBI.2025.72.1352

Pavel Pavlovich Pirogov
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History
of State and Law,
Murmansk Arctic University
Murmansk, Russian Federation
ppp17@mail.ru

Sergei Sergeevich Kozlov
Candidate of Law, Associate Professor,
Leading Researcher,
Murmansk Arctic University
Murmansk, Russian Federation
pravnauka@masu.edu.ru

Павел Павлович Пирогов
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
Мурманский арктический университет
Мурманск, Российская Федерация
ppp17@mail.ru

Сергей Сергеевич Козлов
канд. юрид. наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Мурманский арктический университет
Мурманск, Российская Федерация
pravnauka@masu.edu.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ФУНКЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Основная роль общественных наблюдательных комиссий по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания (ОНК), сводится к посредничеству между заключенными и администрацией. Помимо основной роли, комиссия выполняет просветительскую задачу — проводит лекции о различных вопросах, касающихся медицины, социальных проблем, психологических и политических аспектах жизни, оказывает содействие в консультировании лиц, содержащихся в местах принудительного содержания, и их родственникам по вопросам исполнения уголовных наказаний, мер пресечения в виде заключения под стражей.

Также ОНК осуществляет гуманитарную и психологическую помощь заключенным, играет значительную роль в адаптации (социализации) человека в обществе после освобождения из мест принудительного заключения — региональными комиссиями создаются фонды, способствующие восстановлению в правах освободившихся граждан. Под определение психологической помощи от комиссии попадает организация групп взаимопомощи ВИЧ-инфицированным заключенным, тренинги и психотерапевтические

практики; содействие осужденным, проходящим программу probation. Основными формами работы ОНК являются: работа с обращениями граждан, фиксация фактов нарушения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания разных ведомств, взаимодействие с государственными органами, исполняющими принудительные меры и др.

Однако выполнение основной функции — связи между заключенными и администрацией — осложнено рядом трудностей, и потому малоэффективно. Для повышения социальной значимости ОНК и повышения эффективности контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного заключения в статье предлагается расширить полномочия и возможности комиссии, более детально закрепить в законодательстве права и полномочия членов комиссий, предусмотреть единообразные нормы компенсации расходов и затрат, связанных с исполнением полномочий.

Ключевые слова: нормативно-правовое обеспечение, права человека, места лишения свободы, места принудительного содержания, следственный изолятор, общественная наблюдательная комиссия, содействие лицам в реализации их прав, обращения граждан

Финансирование: исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР № 124050700059-3.

Для цитирования: Пирогов П. П., Козлов С. С. Общественный контроль как функция гражданского общества: роль общественной наблюдательной комиссии // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 3(72). С. 234—240. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.72.1352.

Original article

PUBLIC CONTROL AS A FUNCTION OF CIVIL SOCIETY: THE ROLE OF THE PUBLIC MONITORING COMMISSION

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. The main role of public monitoring commissions for public control over ensuring human rights in places of forced detention and assistance to persons in places of forced detention (PMCs) is to mediate between prisoners and the

administration. In addition to its main role, the commission performs an educational task – it conducts lectures on various issues related to medicine, social problems, psychological and political aspects of life, and provides assistance in advising

persons held in places of forced detention, their relatives, on the execution of criminal penalties and preventive measures in the form of detention.

The PMC also provides humanitarian and psychological assistance to prisoners and plays a significant role in the adaptation (socialization) of a person in society after release from places of forced detention. Regional commissions create funds to help restore the rights of released citizens. The Commission's definition of psychological assistance includes the organization of mutual assistance groups for HIV-infected prisoners, trainings and psychotherapeutic practices; assistance to convicts undergoing a probation program. The main forms of work of the PMC are: work with citizens' appeals, recording the facts of violations of the rights of persons in places of forced detention of various

departments, interaction with government agencies executing coercive measures, and others.

However, fulfilling the main function of communication between prisoners and the administration is complicated by a number of difficulties, and therefore ineffective. In order to increase the social significance of the PMC and increase the effectiveness of human rights supervision in places of forced detention, the article proposes to expand the powers and capabilities of the commission, to consolidate in more detail the rights and powers of commission members in legislation, and to provide uniform standards for compensation of expenses related to the exercise of powers.

Keywords: *regulatory and legal support, human rights, places of deprivation of liberty, places of forced detention, pretrial detention center, public monitoring commission, assistance to persons in exercising their rights, citizens' appeals*

Funding: The research was carried out as part of the initiative research and development work No. 124050700059-3.

For citation: Pirogov P. P., Kozlov S. S. Public control as a function of civil society: the role of the public monitoring commission. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2025;3(72):234—240. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.72.1352.

Введение

Актуальность вопроса обеспечения прав человека не подвергается сомнению, поскольку является основной функцией гражданского общества в целом.

В частности, положение осужденных и заключенных под стражу граждан, как одного из наиболее уязвимых в социально-правовом плане слоев общества, представляется одной из наиболее насущных проблем юридического характера.

Общественные наблюдательные комиссии (далее — ОНК) осуществляют общий контроль за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания, и являются почти единственным правозащитным органом, осуществляющим защиту интересов осужденных и заключенных под стражу лиц.

Изученность проблемы обеспечения прав граждан исследуемой категории в России характеризуется представленностью различных исследований, в которых рассматриваются разные аспекты этой темы. Например, О. Г. Ковалев рассматривает соотношение общественного и государственного видов контроля за соблюдением прав осужденных в исправительных учреждениях [1].

И. В. Брызгалова и П. А. Гнездова анализируют сущность общественного контроля, который ориентирован, в первую очередь, на выявление системных проблем в обеспечении прав осужденных и привлечение внимания общественности и властных структур к существующим нарушениям [2].

Н. С. Малолеткина и Л. Н. Попова, исследуя проблемы соблюдения прав человека в пенитенциарной системе, обращают внимание на необходимость поиска баланса в этом вопросе с соблюдением режимных требований и безопасности в местах принудительного содержания [3]. Также следует отметить работы Д. О. Усанова [4], И. В. Чечельниченко [5] и А. А. Кузнецова [6], где рассматриваются вопросы нормативного закрепления обеспечения прав граждан, подвзвргнутых мерам государственного принуждения.

Кроме того, проблемы историко-правового аспекта участия общественности в осуществлении контроля за соблюдением законности и прав осужденных и иных, приравненных к ним лиц, поднимаются в исследованиях К. В. Корсакова [7], А. А. Устинова [8], Т. С. Демина [9] и И. С. Бушуева [10].

Наконец, степень и пределы общественного контроля за применением мер уголовно-правового воздействия на осужденных исследуются в работах В. Ю. Голубовского [11], А. М. Анисимова и И. О. Тюниса [12], С. Б. Пономарева [13]. Вопросы привлечения общественного потенциала к решению задач профилактического воздействия на осужденных стало предметом рассмотрения в трудах таких специалистов, как Е. Ю. Шиловская [14], И. И. Крапива [15], М. Н. и А. М. Зацепины [16], С. К. Редков и К. С. Кухар [17], М. Г. Назарова и А. С. Тимошук [18].

Целесообразность разработки темы. Следует обеспечить, во-первых, высокоэффективное участие общественных структур в ограничении государственного принудительно-карательного механизма, а во-вторых, использовать значительный потенциал элементов гражданского общества для позитивного профилактического воздействия на лиц с криминальным прошлым в новых социально-экономических условиях. Это имеет теоретическую и практическую значимость.

Таким образом, **целью** данной статьи является выявление особенностей правового статуса региональных ОНК как общественных формирований, авторское определение сущности и правовой природы полномочий ОНК по общественному контролю за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействию лицам, находящимся в местах принудительного содержания, их целевого назначения, функционального содержания и механизма реализации.

Задачи исследования:

- характеристика роли и возможностей региональных ОНК в системе субъектов, осуществляющих общественный контроль за соблюдением прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания;
- проведение сравнительного анализа компетенции и функций ОНК в доктрине правового государства, системе институтов гражданского общества;
- анализ теоретического и практического материала, структурирование и аналитика положения по вопросу обеспечения прав человека в местах принудительного содержания.

Научная новизна исследования заключается в авторской оценке особого правового положения ОНК, форм ее деятельности, показе своеобразия выполняемых ею

функций, а также в анализе некоторых проблем практической их реализации в регионах применительно к Мурманской области.

Теоретическая значимость статьи заключается в рассмотрении проблем активизации общественных усилий и закреплении соответствующих моментов в нормативных правовых актах, касающихся обозначенной темы; практическая ценность представлена аналитикой уровня общественного контроля в сфере прав граждан, находящихся в местах принудительного содержания.

Практическая значимость работы заключается в исследовании сущности и возможностей реализации полномочий региональных ОНК для оценивания возможностей и эффективности их деятельности по решению основной задачи институтов гражданского общества — реализации демократических прав самоуправления и взаимодействия с государственным механизмом для достижения согласованного развития общества.

Основная часть

Основными **методами** данного исследования являются анализ, синтез, индукция, систематизация, формально-логический и другие общенаучные методы.

Результаты исследования. Рассматривая в целом места принудительного содержания, следует помнить, что к указанным местам относятся не только центры по отбыванию наказаний (исполнения уголовно-правовых и административно-правовых мер), но и места отбывания принудительных мер медицинского характера (медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа, специализированного типа или специализированного типа с интенсивным наблюдением).

Нормативно-правовая основа соблюдения прав человека в местах принудительного содержания в Российской Федерации включает в себя Конституцию РФ, международные договоры, федеральные законы и другие нормативные правовые акты. Статья 2 Конституции декларирует права человека наивысшей общественной ценностью, тогда как ст. 21 конкретизирует — достоинство личности охраняется государством, соответственно никакой член общества не должен подвергаться пыткам, насилию или другому жестокому обращению, в т. ч. заключенный, обвиняемый, и т. д.

Следующей ступенью прав человека в рассматриваемом контексте нормативной защиты является совокупность нескольких федеральных законов: от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»; от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»; от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Также Российская Федерация участвует в нескольких международных договорах, касающихся прав человека, к ним относятся: Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция о защите прав человека и основных свобод, Конвенция против пыток и других жестоких видов обращения и наказания, оказавших существенное влияние на развитие отечественной нормативной базы [4].

В ситуациях, предусматриваемых рассматриваемой темой, существует ряд различий с традиционным представлением о человеческих правах в Российской Федерации, поскольку в отношении лиц, обвиняемых в правонарушениях, либо уже осужденных за них, действуют несколько ограничений [5]:

1. *Относительная свобода передвижения.* В случае ожидания судебного разбирательства, времени самого суда, и отбывания наказания, гражданин имеет только ограниченную свободу передвижения, в зависимости от тяжести преступления, поведения во время суда, следствия и исполнения наказания, и т. д.

2. *Относительное ограничения права собственности.* Поскольку во время судебных процессов ставится под сомнение законность действий гражданина, существует ограничение на право владения: гражданин утрачивает способность совершения сделок относительно собственности — незаконным будет считаться покупка или продажа недвижимости, драгоценных украшений, ценных бумаг и акций, и т. д. [6]. В отдельных случаях осужденный лишается права владения денежными средствами.

3. *Преобразование права на труд в обязанность.* В случаях, предусмотренных законодательством, гражданин обязывается трудиться — например, при выполнении судебного предписания об обязательных (общественных) работах, или в случае содержания подсудимого в исправительной колонии (в пенитенциарных учреждениях).

Обязанность трудиться распространяется только на уже осужденных граждан, на обвиняемых, только ожидающих суда, трудовая повинность не накладывается [7].

4. *Ограничение политических прав.* Заключенные и обвиняемые не имеют тождественных прав с законопослушными гражданами, что объясняется сомнениями в устойчивости морально-личностных ориентиров подсудимых.

К ограничениям политических прав можно отнести запрет на публикацию. Ограничение свободы слова и выражения отчасти объясняются также и механическими причинами, вытекающими из пункта об ограничении передвижения: запрет на участие в митингах, шествиях и демонстрациях.

Переходя непосредственно к деятельности наблюдательной комиссии, отметим, что ее функционирование регулируется Федеральным законом от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [8].

В функции общественных наблюдательных комиссий входит мониторинг за соблюдением вышеуказанных прав человека, составление актов о состоянии правового поля в местах принудительного заключения, выдвижение предложений и рекомендаций по размещению заключенных и пр.

Формы деятельности ОНК включают взаимодействие с органами местного самоуправления, администрациями соответствующих мест принудительного содержания и другими государственными структурами, связанными с условиями и размещением заключенных.

ОНК осуществляет посещения мест принудительного заключения, работу с гражданами, содержащимися в оных, видео и фотофиксацию текущей ситуации, в случае нарушения условий содержания заключенных, также участвует в проведении различных социальных мероприятий — ярмарки в пользу детей, чьи родители были осуждены, конференции и выступления о предмете своей деятельности и т. д. [9].

Социальная роль, также возложенная на общественную наблюдательную комиссию, заключается в просветительской деятельности. ОНК проводит в среде арестантов, например, просветительские лекции о важности соблюдения санитарно-эпидемиологических правил и по другим социально значимым вопросам.

Зачастую именно члены комиссии занимаются сбором гуманитарной помощи нуждающимся: медикаментов, продовольственных запасов, бытовой техники и денежных средств для осужденных и граждан, недавно освободившихся из мест заключения.

Также в полномочия членов ОНК входят различные меры психологической поддержки заключенных и подозреваемых — например, организация групп взаимной помощи и поддержки ВИЧ-инфицированных заключенных, проведение психологических тренингов на основе различных методик по купированию маний и патологических пристрастий (алкоголизм, игромания, наркомания), например, на основе двенадцатиступенчатой системы (подразумевающей лечение зависимости в рамках самопомощи, впервые предложенная обществом анонимных алкоголиков).

Важной особенностью ОНК является не принадлежность ее к юридическим лицам, и исключительно общественная природа деятельности, что повышает доверие спецконтингента, но значительно ограничивает возможности комиссии.

В состав комиссии, утвержденной Советом Общественной палаты Российской Федерации, может входить от пяти до сорока членов [10].

Деятельность членов ОНК финансово юридически и практически не обеспечивается. Общественные наблюдательные комиссии существуют в региональных форматах — в каждом субъекте федерации сформирована собственная комиссия.

Подробнее можно остановиться, например, на деятельности ОНК Мурманской области, председателем которой является один из авторов данного исследования — Павел Пирогов.

Количество членов областной ОНК не очень большое — всего семь человек, причем один из них — глава регионального исполкома Общероссийского Народного Фронта Максим Сахневич — был введен в состав ОНК в ходе дополнительного выдвижения кандидатур. Кстати, кампания по доукомплектованию состава региональной ОНК в 2024 г. встретила со значительными сложностями, т. к. большого количества желающих лиц оказывать безвозмездную помощь специфическому контингенту в свободное от основной деятельности время не нашлось. Однако такая ситуация не везде в стране является типичной — в некоторых регионах количество членов ОНК является значительным (до 30—40 чел.) и там возникает другая проблема — формальность пребывания некоторых членов комиссии.

Тем не менее примеры деятельности ОНК Мурманской области свидетельствуют о неформальном подходе к исполнению своих полномочий [11]. Вот, например, как выглядит типичная работа членов комиссии только в текущем году: проверка состояния законности в исправительной колонии строгого режима № 17 в г. Мурманске и ИК-18 (пос. Мурмаши), особого режима ИК-16 в пос. Мурмаши. В ходе визитов проверялись условия содержания, организация питания осужденных, порядок оказания медицинской помощи, соблюдение санитарно-

эпидемиологического законодательства, а также организация противопожарной безопасности. При посещении колонии-поселения № 24 в Оленегорске также оценивались вопросы организации труда за пределами учреждения. Проверяющие посетили медицинскую часть, помещения женского и мужского отрядов, в том числе карантинного отделения, столовую, пищеблок, банно-прачечный комплекс. Также во время выборов мероприятий комиссия осуществляет контроль за правами граждан, участвующих в выборах (это касается в основном следственных изоляторов областного УФСИН и изоляторов временного содержания системы МВД).

Одной из осуществляемых на постоянной основе функций комиссии является участие в процессах перевода заключенных в различные места принудительного содержания. Непосредственно сменой изолятора, или камеры, ОНК не занимается, однако комиссия вправе поспособствовать переводу заключенного в медицинский стационар.

Основной проблемой общественного контроля посредством вышеописанных комиссий является низкая эффективность именно правозащитного поля деятельности, обусловленная спецификой системы.

Поскольку решения комиссии не имеет никакой обязательной юридической силы, и никаких прямых рычагов влияния на администрацию мест принудительного содержания, кроме рекомендательных, обращения общественных наблюдателей, чаще всего, не рассматриваются, как это предусмотрено в обязательном порядке для актов прокурорского надзора, а если и рассматриваются, то на практике не воплощаются, пока это не станет достоянием широких слоев населения, т. е. через средства массовой информации. В основном решение вопросов осуществляется за счет использования личного авторитета представителей общественности.

Обычным механизмом работы комиссии является следующая цепочка: сообщение от заключенных «сидельцев» по официальным письмам, обязательным к пересылке — встреча членов комиссии с инициатором обращения и фиксация нарушений — жалоба в управление учреждения или прокуратуру [12].

На последнем пункте полномочия ОНК заканчиваются, поскольку больший спектр функций помощи для арестантов не предусмотрен законом.

Единичные случаи, в которых деятельность комиссии действительно влияла на уровень содержания арестантов, обычно связаны с резонансными событиями, попадавшими в прессу. Например, в 2023 г. сообщалось, что сотрудники мурманской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях провели проверку ИК-17 после опубликования нескольких статей в местных газетах, и выявили нарушения требований уголовно-исполнительного и санитарно-эпидемиологического законодательства в помещениях комнат длительных свиданий [12, с. 79]. Без вмешательства журналистов, как правило, даже вопиющие случаи нарушения человеческих прав в тюрьмах остаются нерасследуемыми.

В свою очередь, работникам средств массовой информации не представляется возможным постоянно заниматься мониторингом содержания заключенных, и условий этого содержания, поскольку работа общественной комиссии не подразумевает социальной защиты, и заработной платы, в отличие от других социальных институтов [13].

Еще одним фактором, как нам представляется, снижающим эффективность комиссий, является недоверие со стороны заключенных, в результате которого жалобы арестантов во время официальных визитов практически отсутствуют, вне зависимости от условий содержания. В среде арестантов существует строгая неофициальная дисциплина в отношении жалоб на вышестоящее начальство, поскольку закрытое общество, которое представляет собой место заключения, предполагает принципы наказания круговой поруки, где за проступок одного члена формирования несет ответственность вся группа [14, с. 30]. В случае такой жалобы заключенные опасаются карательных действий не столько со стороны администрации места принудительного содержания, сколько своих же соседей, негативно реагирующих на любое сообщение с обществом [15, с. 257].

Хотя имеются и обратные примеры, из которых видно, что в среде осужденных нередко имеются завышенные ожидания от деятельности ОНК и когда они не оправдываются (часто по причине потребительского отношения к общественным организациям) и осужденные не получают того, на что они рассчитывали, обращаясь с жалобами и просьбами к ОНК, то они предъявляют претензии к общественной структуре как к государственной и обжалуют ее действия или бездействие в органы прокуратуры и в суды. Так, в 2024—2025 гг. на ОНК Мурманской области осужденные дважды подавали в суд административные иски по поводу «некачественной» помощи по поводу их письменных обращений и в вопросах пробации. Однако суд в двух инстанциях встал на сторону общественников, установив, что ОНК не относится к числу субъектов рассмотрения обращений граждан на основе Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ, регламентирующего порядок рассмотрения обращений государственными органами и организациями.

Помимо прочего, одной из функций общественной наблюдательной комиссии закладывалось информирование общества о существующем положении по правам человека в местах принудительного заключения, с чем также не представляется возможности справиться в полной мере, поскольку комиссия не финансируется из бюджета, и, соответственно, результаты ее деятельности также не публикуются, поскольку опубликование данных не осуществляется на некоммерческих началах [16]. Справедливости ради необходимо отметить, что механизм компенсации расходов членов ОНК (по проезду, по проживанию в гостиницах и прочее) существует, но он не отлажен, определяется региональными финансовыми возможностями на основе регионального законодательства.

Таким образом, для повышения эффективности работы ОНК, и в целях увеличения ее общественной роли предлагается следующее:

1. Необходимо наделить комиссию соответствующими полномочиями и рычагами воздействия на местную администрацию учреждений (через оформление предписаний). Это позволит ускорить работу комиссии и предотвратит злоупотребление полномочиями лиц подконтрольных органов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковалев О. Г. Общественный контроль за обеспечением прав лиц, заключенных под стражу и осужденных: современное состояние и перспективы // Образование и право. 2024. № 8. С. 389—393.

2. Расширить штат ОНК. Максимальное количество сотрудников — 40 чел. на регион объективно недостаточное количество для защиты прав заключенных, учитывая статистику доли отбывающего наказание населения (300 заключенных на 100 тыс. чел. населения на 2024 г.) [17, с. 47].

3. Предусмотреть механизм компенсации материальных расходов ОНК по единым принципам и правилам, предусмотренный для всей территории страны, по аналогии с механизмом формирования органов местного самоуправления. Достойная оплата и иные условия труда для сотрудников аппарата ОНК как для аппарата Общественных палат субъектов Российской Федерации привлекут на такие должности молодых специалистов в сфере прав человека и обеспечат работу всей комиссии [18, с. 22].

4. В нормах Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» более конкретно определить, что ОНК не относится к числу субъектов, на которых распространяется действие положений Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», в связи с тем, что ОНК не является юридическим лицом, государственным органом, органом местного самоуправления, а члены комиссии не являются должностными лицами. На ОНК не возложено исполнение государственных или муниципальных публично значимых функций в рамках компетенции, и создана она не в качестве публично-правового образования.

Заключение

Социально-правовой контроль является объективным процессом и обязательным условием поступательного развития гражданского общества, способствует формированию правового государства и укреплению государственного порядка, политических институтов общества.

Общественно-правовой контроль занимает специфическое место среди функций органов, осуществляющих контроль и надзор за деятельностью государственного механизма. ОНК, изначально создававшиеся как механизм обеспечения прав человека в местах принудительного содержания, в практическом смысле чаще всего исполняют функцию гуманитарных и психологических субъектов помощи заключенным, хотя это тоже представляется весьма важным делом для исключения излишней бюрократизации, особенно в условиях усложняющихся внутренних и внешних государственных задач. Основная задача ОНК — мониторинг соблюдения прав спецконтингента. Компетенция ОНК должна соответствовать важности ее функций. Однако, несмотря на добросовестные усилия членов комиссий, не существует достаточных гарантий должного выполнения основной функции государственного учреждения, в силу ограниченных полномочий ОНК, из чего вытекает потребность в структурном изменении существующего социального института, поскольку контроль за соблюдением прав человека в рассматриваемой области фактически осуществляется недостаточным образом.

2. Брызгалова И. В., Гнездова П. А. Общественные наблюдательные комиссии как субъект общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Общественный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: теория и практика : сб. науч. работ / под ред. О. А. Димони. Вологда : Волог. ин-т права и экономики Федер. службы исполнения наказаний, 2020. С. 15—24.
3. Малолеткина Н. С., Попова Л. Н. Институт общественного контроля в структуре уголовно-исполнительных правоотношений : моногр. Самара : Сам. юрид. ин-т ФСИН России, 2022. 108 с.
4. Усанов Д. О. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина органами внутренних дел России в свете конституционной поправки 2020 года // Закон и право. 2025. № 1. С. 105—108. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-1-105-108.
5. Чечельницкий И. В. Институт уполномоченных по правам человека: пути повышения эффективности функционирования в современных условиях // Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 66—85. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.066-085.
6. Кузнецов А. А. Ответственность как правовая категория и ее влияние на развитие уголовного и уголовно-исполнительного права // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 1. С. 81—90. DOI: 10.24412/2073-0454-2025-1-81-90.
7. Корсаков К. В. Развитие института уголовного наказания в России от времени правления Петра I до уголовных кодексов сталинской эпохи // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 1. С. 21—31. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003.
8. Устинов А. А. Предупреждение повторной преступности среди осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 1. С. 39—47. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1.005.
9. Демин Т. С. Преступление и изоляция: модель карантина Перебума, свобода воли и воздаяние // Философский журнал. 2025. Т. 18. № 1. С. 134—148.
10. Бушуев И. С. Вытегорское общество патроната как один из прообразов современной службы пробации в Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 3. С. 6—10.
11. Голубовский В. Ю. Ресоциализация лиц, совершивших преступление при рецидиве // Пенитенциарная наука. 2025. Т. 19. № 1. С. 32—38. DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1.004.
12. Анисимова А. М., Тюнис И. О. Проблемы определения места и роли религиозного регулирования в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Государственная служба и кадры. 2025. № 1. С. 75—80. DOI: 10.24412/2312-0444-2025-1-75-80.
13. Пономарев С. Б. К проблеме организации научного обеспечения в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 3. С. 38—49.
14. Шиловская Е. Ю. Криминалистическое обеспечение расследования пенитенциарных преступлений // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 1. С. 29—33.
15. Крапива И. И. Административная преюдиция в уголовном праве // Закон и право. 2025. № 2. С. 254—259. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-2-254-259.
16. Зацепин М. Н., Зацепин А. М. Виктимологические особенности направленности исследований преступлений криминогенной личности в местах лишения свободы // Виктимология. 2025. Т. 12. № 1. С. 42—52.
17. Редков С. К., Кухар К. С. Обоснование необходимости реформирования уголовной политики Российской Федерации // На пути к гражданскому обществу. 2025. № 1(57). С. 46—48.
18. Назарова М. Г., Тимошук А. С. Роль и место общественных организаций в деятельности уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2025. № 1. С. 18—23.

REFERENCES

1. Kovalev O. G. Public control over the protection of rights of persons in custody and convicted persons: current status and prospects. *Obrazovanie i pravo*. 2024;8:389—393. (In Russ.)
2. Bryzgalova I. V., Gnezdova P. A. Public monitoring commissions as a subject of public control over the activities of the penal enforcement system of the Russian Federation. *Obshchestvennyi kontrol' za deyatel'nost'yu ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii: teoriya i praktika = Public control over the activities of the penal enforcement system of the Russian Federation: theory and practice. Collection of scientific papers*. O. A. Dimoni (ed.). Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service publ., 2020. Pp. 15—24. (In Russ.)
3. Maloletkina N. S., Popova L. N. The institute of public control in the structure of penal law relations. Monograph. Samara, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia publ., 2022. 108 p. (In Russ.)
4. Usanov D. O. Ensuring human and civil rights and freedoms by the internal affairs bodies of Russia in the light of the 2020 constitutional amendment. *Zakon i pravo = Law and legislation*. 2025;1:105—108. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3313-2025-1-105-108.
5. Chechelnicshiy I. V. The Institution of Commissioners for Human Rights: Ways to Improve the Efficiency of Functioning in Modern Conditions. *Lex Russica*. 2025;78(3):66—85. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.066-085.
6. Kuznetsov A. A. Responsibility as a legal category and its influence on the development of criminal and penal enforcement law. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;1:81—90. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-0454-2025-1-81-90.
7. Korsakov K. V. On the development of criminal punishment institution in Russia from the reign of Peter the Great to criminal codes of the Stalin era. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2025;19(1):21—31. (In Russ.) DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1.003.
8. Ustinov A. A. Preventing recidivism among convicts serving sentences in the form of forced labor. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2025;19(1):39—47. (In Russ.) DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1.005.
9. Demin T. S. Crime and isolation: Pereboom's quarantine model, free will and retribution. *Filosofskii zhurnal = Philosophy Journal*. 2025;18(1):134—148. (In Russ.)

10. Bushuev I. S. Vytegor'sk patronage society as one of the precursor of the modern probation service in the Russian Federation. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy*. 2025;3:6—10. (In Russ.)
11. Golubovskii V. Yu. On resocialization of recidivists. *Penitentsiarnaya nauka = Penitentiary Science*. 2025;19(1):32—38. (In Russ.) DOI: 10.46741/2686-9764.2025.69.1.004.
12. Anisimova A. M., Tyunis I. O. Problems of determining the place and role of religious regulation in institutions of the penal system. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State service and personnel*. 2025;1:75—80. (In Russ.) DOI: 10.24412/2312-0444-2025-1-75-80.
13. Ponomarev S. B. To the problem of the organizations of scientific support in the penal system of the Russian Federation. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy*. 2025;3:38—49. (In Russ.)
14. Shilovskaya E. Iu. Forensic support for the investigation of penitentiary crimes. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy*. 2025;1:29—33. (In Russ.)
15. Krapiva I. I. Administrative prejudice in criminal law. *Zakon i pravo = Law and legislation*. 2025;2:254—259. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3313-2025-2-254-259.
16. Zatsepin M. N., Zatsepin A. M. Victimological Peculiarities of the Focus of Research on Criminogenic Personality Offenses in Places of Incarceration. *Viktimologiya = Victimology*. 2025;12(1):42—52. (In Russ.)
17. Redkov S. K., Kukhar K. S. Substantiation of the need to reform the criminal policy of the Russian Federation. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*. 2025;1(57):46—48. (In Russ.)
18. Nazarova M. G., Tymoshchuk A. S. Role and place of public organizations in the activities of the penitentiary system. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy*. 2025;1:18—23. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.06.2025; одобрена после рецензирования 27.06.2025; принята к публикации 30.06.2025.
The article was submitted 07.06.2025; approved after reviewing 27.06.2025; accepted for publication 30.06.2025.